

Кузнецкие дни Федора Достоевского

жением», — писал Достоевский.

Видя страдания и горе Исаевой, кто-то прислал ей 3 рубля, и нужда заставила эту гордую, самолюбивую женщину принять подаяние. Прочитав об этом в письме Марии Дмитриевны, Достоевский заметался, понимая, что и его самолюбие этим было задето. Унижение любимой женщины для него стало тяжелее собственного.

Он занимает А. Е. Врангеля деньги и шлет их в Кузнецк, всячески успокаивая Исаеву.

В начале 1856 года приходит высочайший приказ о производстве рядового Ф. М. Достоевского в унтер-офицера. Чин не весть каков, но зато это первый шаг к офицерству, первая, хоть и маленькая, победа.

«Я произведен в унтер-офицера, — сообщал он брату, — что довольно важно, ибо следующая милость, если будет, должна быть, натурально, значительно выше унтер-офицерства. Меня здесь уверяют, что годом через два или даже через год я могу быть официально представлен в офицеры».

«...Я убежден, что у меня есть талант и что я могу написать что-нибудь хорошее...». И второе, о чем сообщает брату писатель, это его беспредельная любовь к М. Ф. Исаевой:

«Я давно уже люблю эту женщину и знаю, что и она может любить: жить без нее я не могу, и потому, если только обстоятельства мои переменятся, хотя несколько к лучшему и положительному, я женюсь на ней. Я знаю, что она мне не откажет. Но беда том, что я не имею ни денег, ни общественного положения, а между тем родные зовут ее к себе в Астрахань. Если весны не переменится, то она должна будет уехать в Россию. Но это только отдалит дело, а не изменит его. Решение мое принято, и хоть бы земля развалилась подо мною, я его исполню».

Но не могу же я теперь, не имея ничего, воспользоваться расположением ко мне этого благороднейшего существа и теперь склонить ее к этому браку».

Благородством, детской наивностью и тревогой исполнены письма Достоевского этого периода в Кузнецк. Но Мария Дмитриевна, зная о плохом здоровье Федора Михайловича, о его горячих чувствах к ней, почти в каждом письме жалуется на свою горькую судьбу, на бедность, одиночество. И Федор Михайлович не находит себе места, несмотря на энергичные действия по восстановлению своих гражданских прав, которые, казалось бы, должны были отвлечь его от этой мучительной переписки.

Он доходит до полного отчаяния. 13 апреля 1856 года он пишет, в каком грустном, ужасном положении он находится, и что если не получит от брата нужные для поездки в Кузнецк 100 рублей, то это доведет его до «отчаяния»: «Как знать, что случится».

23 мая 1856 года: «Мои дела ужасны

пока, и я почти в отчаянии. Трудно пересказать, сколько я выстрадала!»

14 июля 1856 года: «Я как помешанной теперь уже...»

21 июля 1856 года: «Я трепещу, чтобы она не вышла замуж. Ей Богу — хоть в воду, хоть вино начать пить...»

Обстоятельство, о котором говорит писатель в этом письме, не что иное, как взаимоотношения между кузнецким учителем Вергуновым и Исаевой.

«Я написал письмо длиннов, ему и ей вместе. Я представил все, что может произойти от неравного брака. Она отвечала, горячо его защищая, как будто я на него нападал, а он истинно, по-кузнецки и глупо принял себя за личность и за оскорбление дружескую братскую просьбу мою (он сам просил у меня дружбы и братства) подумать о том, чего он добивается, не сгубит ли он женщину для своего счастья, ибо ему 24-й год, ей — 29-й. У него нет денег, определенного в будущности и вечный Кузнецк».

ХОЛОДНЫМ осенним ветром встретил писателя серый прогоревший Кузнецк. Но Мария Дмитриевна обрадовалась приезду Достоевского и скрыла этого не смогла. Видя ее светящиеся глаза, слушая торопливую речь, Федор Михайлович сразу же повеселел. Словно и не было утомительной длинной дороги, тревоги и сомнений за долгие дни разлуки. Погостили и получив согласие на брак, он, окрыленный, возвращается в Семипалатинск.

«Командира 7-го Сибирского линейного батальона № 167, 1 февраля 1857 года. Семипалатинск, Градо-Кузнецкой Одигитриевской церкви священно-церковно-служителем.

Пропорщик вверенного мне батальона Достоевский говорил за себя в законное супружество проживающую в г. Кузнецке жену умершего заседателя по корчевской части коллежского секретаря Александра Исаева Марии Дмитриевну, имеющую от роду 29 лет, почему покорнейше прошу священно-церковно-служителей, скажи со стороны невесты не будет предстоять законных препятствий, то г. Достоевского ожен-

чать, от роду он имеет 34 года, холост, как он, так и невеста, вероисповедания православного, г. Достоевский у исповеди и св. причастия ежегодно бывал, при сем прилагаю подпись невесты и свидетельство о смерти мужа ея, — по свидетельству же не оставил меня уведомить.

Подполковник Г. БЕЛИХОВ.

Весть о том, что на Исаеву женится приезжий офицер, а свадьба будет у исправников Катанаевых, быстро облетела городок. В день бракосочетания в церкви было полно народа. Вот что рассказывает Т. М. Темезова, присутствовавшая на венчании:

«За народом едва можно было притиснуться вперед. В церкви присутствовало все лучшее кузнецкое общество. Дамы одели лучшие свои наряды. Сначала, как водится, приехал жених, и все внимание обратилось на него. Было мне тогда 16 лет. Был он уже не молодой, довольно высокий, выше среднего роста. Лицо серьезное, одет в военную форму. Мужчина он был видный. Жениха сопровождали два шафера. Вскоре прибыла и невеста в сопровождении тоже двух шаферов, одним из которых был исправник Катанаев.

Худенькая, стройная, высокая, Мария Дмитриевна была нарядно одета, красива, хотя и вдовушка».

После совершения таинства молодые в сопровождении большой свиты отправились на вечер в дом исправника. Праздничный стол отличался исключительным изобилием даже по масштабам сибирского хлебосольства.

Короткие дни, проведенные молодожены в Кузнецке до отъезда, принадлежат к немногим безоблачно светлым в жизни Достоевского. Федор Михайлович был спокойно счастлив, угрюмость и хмурость его словно испарились, кузнецкое «общество» было им очаровано. Он постоянно бывал с женой на вечерах, много танцевал (танцором он был превосходным), шутил, охотно играл в карты по маленькой. Днем возился с Пашей Исаевым, который заметно подрос и превратился в изрядного озорника. Много гулял с Марией Дмитриевной по городским улицам, накинув военный плащ, и никак не мог с ней заговориться.

Праздник кончился в Кузнецке.

В БАРНАУЛЕ Достоевского свалил сильнейший припадок. Несколько дней после него Федор Михайлович находился в почти полной приступации. Врач констатировал несомненную эпилепсию, сказал, что припадки, безусловно, повторятся, и если не будет предпринято самое энергичное лечение, то один из них может кончиться смертью больного от горловой спазмы. И тут же добавил, что в Сибири о сколько-нибудь эффективном лечении не может быть и речи.

Испуганная и подавленная, Мария Дмитриевна не отходила от постели больного мужа. Уехали в Семипалатинск тот час же, как только Федор Михайлович смог встать.

Некоторые биографы Достоевского именно этому злосчастному припадку приписывали чуть ли не роковое значение, им объясняли то, что брак писателя, которого он с таким железным упорством добивался, очень скоро оказался несчастливым. Дескать, Мария Дмитриевна была настолько напугана бесплодию мужа, что испуг убил в ней всякое чувство к нему, и от супружества она уже не ждала ничего хорошего. Порой к этому прибавляется и такой весьма романтический мотив: Достоевский, мол, узнае, как тяжко он болен, сознательно решил отдать жену от себя, чтобы его возможная смерть не принесла ей особенной боли.

Эти версии не учитывают того хорошо известного качества человеческой натуры, которое Федор Михайлович называл приживчивостью, того здорового инстинкта жизни, что не позволяет человеку сосредоточивать внимание на несчастьях и болезнях, если они не угрожают немедленной смертью. Духовная трагедия, несомненно, перенесенная Достоевским после припадка, скоро более или менее зарубцевалась, да и здоровье — особенно после двухмесячного отпуска в форпосте Озерном, в шестнадцати верстах от Семипалатинска, — значительно окрепло. Надо сказать, что со временем Федор Михайлович научился смотреть на свою неизлечимую болезнь как на неизбежное зло, на которое нужно, по возможности, не обращать внимания. В отличие от многих эпилептиков, он не стыдился болезни, не скрывал ее, но и не носился с ней. Каждый припадок причинял ему страшные страдания, на несколько дней выводил его из рабочего состояния, но, когда болезнь отступала, Достоевский, сильный человек, умел себя заставить забыть о ней до следующего приступа. Он не мог победить болезни, но во многом подчинил ее себе. Умер он, как известно, не от эпилепсии.

Нет у нас и никаких оснований думать, что Мария Дмитриевна приняла болезнь мужа чесноком трагически. Конечно, в Барнауле она была потрясена, однако это вовсе не зачеркнуло ее любовь. Не будущее она смотрела отнюдь не безнадежным взглядом. Об этом лучше всего свидетельствует ее письмо сестре В. Д. Константину, написанное вскоре после приезда в Семипалатинск: «Я не только любима и балуем своим умным, добрым, влюбленным в меня мужем, — даже уважаема и его родными. Письма их так милы и приветливы, что, право, остальное стало для меня трин-травою. Столько я получила подарков, и все — один другого лучше». Можно сомневаться в искренности «приветливости» родных Федора Михайловича, так противившихся его браку, но что Мария Дмитриевна пишет искренно — это, мне кажется, несомненно.

[Продолжение в следующем субботнем номере]